

Н.А. Соболева, Москва

**РЕЦЕНЗИЯ НА ТРУДЫ С.К. КУЧИНСКОГО
"ПОЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГЕРБЫ"
И "БЕЛЫЙ ОРЕЛ В ВАРШАВЕ"**

St. K. KUCZYNSKI. Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje. PWN. Warszawa. 1993. 334 s.; ejusd. Orzeł Biały w Warszawie. Instytut Historii PAN. Warszawa. 1993. 120 s.

Ст. К. КУЧИНСКИЙ. Польские территориальные гербы. Генезис, сущность, функции; его же. Белый орел в Варшаве.

Труды С. К. Кучинского, знатока сфрагистики, геральдики, других вспомогательных исторических дисциплин, как правило, выходят за рамки узкой специализации и представляют большой интерес для исследователей различных областей – историков, искусствоведов, археологов, архитекторов и др.

"Польские территориальные гербы" – труд, продолжающий традиции польских исследователей геральдики. И в то же время он оригинален, ибо история земельных гербов Польши в целом мало исследована, к тому же авторские подходы к ее разработке отличаются новаторством. Хронологические рамки труда огромны – от средних веков до наших дней. Впечатляет и источниковая база. Автор широко использовал междисциплинарный подход, он оперирует методиками различных гуманитарных наук: собственно истории, истории искусства, исторической географии.

Масштабность используемого в книге материала позволяет автору воссоздать "семиотический пейзаж" старой Польши, в котором территориальные гербы – не только символы отдельных земель, но и важный элемент государственного устройства: они символизировали целостность государства и вместе с тем обозначили автономность отдельных земель.

Комплекс территориальных гербов, по мнению автора, складывается в середине XIV в., в правлении короля Казимира Великого. В эту группу входят: герб корселя и польского государства, одновременно являющийся гербом Краковской земли (орел в короне с опояской на крыльях); гербы – великопольский, куявский, Руси (Галицкой), сандомирский, добжинский. Исторический анализ эмблем показал, что

истоки их различны. К самым старым относится польский государственный орел, происходящий от родового герба князей из династии Пястов (вторая четверть XIII в.).

Ранними эмблемами являются также куявская – коронованный зооморфный гибрид льва и орла, заимствованный с печати куявских князей конца 60-х годов XIII в., и знак Галицкой Руси – идущий лев в короне, известный по печатям галицко-владимирских князей первой половины XIV века. Автор стремится выяснить генезис и трех других вышеназванных гербов.

Выделяя устойчивый комплекс территориальных гербов, возникший в период активных действий Казимира Великого по расширению границ и усилению централизации государства, автор задается вопросом: имеется ли какой-либо смысл в формировании подобного геральдического феномена. Как и предшествующие исследователи, Кучинский склоняется к гипотезе о закодировании некоей программы, которую ее творцы хотели выразить при помощи гербов земель. Что же это за программа? Автор видит здесь наглядное выражение фактического объема власти польского монарха: набор эмблем земель, названия которых входили в титул короля, демонстрировал и закреплял в сознании подданных политические успехи последнего Пяста, в частности – присоединения к польскому государству Галицкой Руси, возвращение Польше из-под власти Тевтонского ордена Добжинской земли. Более того, в геральдических знаках, по мнению Кучинского, воплотилась система административно-правового устройства средневекового польского государства ("Короны Польской") как единого целого, составленного из неотчуждаемых земель, неделимого и суверенного.

Отдельные гербы земель в подобном контексте служат не свидетельством автономности и партикуляризма, а напротив, демонстрируют соединение земель под властью польского короля, о чем свидетельствуют постоянное присутствие в группе территориальных гербов королевского герба. Роль земельных гербов усиливается благодаря использованию их на королевских печатях. По мере расширения границ польского государства увеличивается и число земельных гербов, окружающих трон на королевских печатях. Со временем центральное место на печатях отводится пястовскому орлу, однако, "гирлянда" из земельных гербов остается.

Аналогичная "геральдическая программа" реализуется также при помощи изображения "венка" территориальных гербов на королевских надгробиях, в архитектурных украшениях гражданских и церковных построек, в графике, используемой на королевских документах, в церемониальной королевской орнаментике, а также в украшениях мест присутствия власти (залах сейма, суда и проч.).

В книге показано, что комплекс территориальных гербов увеличивается не только за счет расширения границ Польши, но и в результате

реорганизации внутренних государственных структур: создания новых административных единиц – воеводств и областей.

Кучинский стремится обнаружить истоки художественных форм территориальных гербов. С этой целью он сравнивает самые различные источники, содержащие их рисунки и описание: иностранные и отечественные гербовники, описания воинских знамен, содержащиеся в трудах польских хронистов, литературные памятники, в которых содержались панегирики гербам и эмблемам, легенды и сказания, откуда черпались толкования символики, всевозможные изобразительные памятники – графические и живописные полотна, книжную графику, польские, литовские, русские печатки.

Интересны замечания автора о происхождении ряда эмблем, которые в XVII в. украшали "Титулярник" царя Алексея Михайловича. Кучинский ищет, в частности, аналогии киевскому, черниговскому, смоленскому гербам среди территориальных знаков одноименных воеводств Речи Посполитой. Аналогий смоленскому и черниговскому гербам автор не находит, а вот киевский герб – Архангела Михаила, правда, в ином графическом выражении, чем в "Титулярнике" 1672 г., он обнаруживает в польских гербовниках второй половины XVI века.

Земельные гербы имели важнейшую патриотическую функцию носителей исторических традиций. До наших дней, по убеждению автора, гербы земель, составлявших польское государство на протяжении столетий, воспринимаются как символы Отечества, самым положительным образом влияя на "патриотичны запал" общества.

В последней главе автор повествует о судьбе польских земельных эмблем в XIX и XX веках. Державы, разделившие Польшу, ввели новые гербы провинций и других территориальных единиц, которые соответствовали административному делению этих стран, стремясь внедрить символы собственной государственности. Особое место автор уделяет герботворческой деятельности России. Гербы губерний Царства Польского, явившегося результатом творчества российской Герольдии, вызывают у автора негативную реакцию; в их рисунках он обнаруживает следы формально-бюрократического подхода при полном отказе от прежней польской модели.

Комплекс территориальных гербов, досконально проанализированный автором, прочитывается им как отражение политического мышления о государстве, а также как инструмент формирования этого мышления, прежде всего идеи незыблемого государства, состоящего из многих земель и областей, объединенных в одной политической и административной структуре. Растолковывая эти идеи, автор, однако, думается, упускает важный момент – "неадекватность" геральдики. Если в период "живой" геральдики, в правлении Пястов и первых Ягеллонов, комплекс территориальных гербов отражает реальную действительность, то с наступлением "бумажной" геральдики нельзя не отметить ее "камуфляжность". Расположение польского и литов-

ского гербов в равноценной позиции по отношению к центральной фигуре отнюдь не означает действительно "партнерского равенства" между Польшей и Литвой, объединенных при помощи уний. Также включения в "венки" гербов тех территорий, которые давно уже не находились в ленной зависимости от Польши или даже вышли из ее состава, не отражает фактическое положение дел, демонстрируя лишь амбиции властей. "Гербы претензий" составили большую часть тех композиций, в которых участвовали территориальные гербы. Эта "камуфляжность", правда, была принята польским обществом, сослужив хорошую службу патриотическому объединению поляков под историческими символами в период борьбы за национальное возрождение.

Повествуя об административных преобразованиях на польских землях, которые проводились российскими властями и возникающей в результате преобразований символикe, автор, на наш взгляд, преувеличивает политизацию действий официальных российских геральдистов во второй половине XIX в. ("во вновь вводимых гербах губерний старательно затушевались польские черты", с. 245). Крайний формализм и отсутствие историчности, граничащие с геральдической неграмотностью, были характерны в то время для всего российского гербово-творчества.

Эти же черты зачастую сохраняются и в современной литературе, посвященной геральдике Российской империи. Многие работы по данной тематике можно отнести к псевдонаучным. Кучинский многократно ссылается на книгу В. В. Румянцевой ("Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма". Киев. 1986). Однако представленный им в рецензируемом труде материал никак не стыкуется с утверждением Румянцевой о появлении гербов украинских городов в глубокой древности. Чтобы обосновать данный тезис, она прибегает к прямым натяжкам.

Вторая работа Кучинского адресована широкому читателю.

Автор "проводит" польского орла из столетия в столетие, показывая изменение конструкции государственного герба (соединение орла и литовского герба Погонь), изменение его художественной формы, наконец, роль Белого Орла в становлении самосознания поляков, превращение его в символ борьбы за свободу и государственность. Во второй части книги читатель путешествует вместе с автором по Варшаве и перед его взором проходят многочисленные памятники, запечатлевшие и сохранившие Белого Орла, начиная со старейших по времени изображений в Королевском замке (XVI в.) и кончая новыми формами и новой стилизацией этой гербовой фигуры на современных памятных знаках, установленных в послевоенной Варшаве.

Обе книги помимо того, что вносят вклад в научную геральдику, служат углубленному пониманию истории Польши.